

84(3)
М 36

МИЛОШ
МАЦОУРЕК

•
АДОЛЬФ
БОРН

Обезьянка Янка

Miloš Macourek

Adolf Born

Žofka

Милош Мацоурек

Обезьянка Янка

Иллюстрации

Адольфа Борна

МИЛОШ
МАЦОУРЕК

•
АДОЛЬФ
БОРН

Обезьянка Янка

Перевод с чешского
Ксении Тименчик

Москва
Издательство
«Мелик-Пашаев»

2021

УДК 821.112.2

ББК 84.4Чеш

М36

ISBN 978-5-00041-397-5

Text © Miloš Macourek — heir c/o DILIA, 2019

Illustrations © Adolf Born — heir, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Мелик-Пашаев», 2021

Янка

Как

устроила
бал-
маскарад

Вот серьёзно, никак не пойму, почему зоологический сад называют садом, если это совсем и не сад: не растут тут ни фуксии, ни герберы, ни молодая капуста с редиской, а только юные слонята, медвежата, кенгуру и обезьянки, вроде нашей Янки Орангутановой, которая, правда, надо признать, тот ещё фрукт.

Зоологический сад больше похож на огромный жилой дом с кучей квартир, что ни дверь — свой мир. Вот тут живёт семейство Ежей, там Фазаны, вон там Лисы, Выдры, Удоды, а чуть поодаль Попугаи, и даже Крокодилы, Зубры и Тюлени. Словом, жильцы со всего мира: из Африки, Америки и даже из Австралии. Неудивительно, что столько людей приходят на них поглазеть: папы, мамы и дети, а иногда и тёти с бабушками, и даже готовы за это деньги выложить. Бывают посетители хорошие и воспитанные: они ходят по стрелочкам, не топчут газоны и не бросают фантики от конфет. Такие чинно прогуливаются по дорожкам, смотрят на необычных зверей и приговаривают:

— Надо же! Ну и карман у этой кенгуру! Мне бы такой: ходить за покупками по пятницам!

Или:

— Посмотрите на жирафа! Вот это шея! С такой шеей можно даже в окно к соседям со второго этажа заглянуть.

Но некоторые посетители ведут себя не так образцово, и из-за этого потом случаются всякие неприятности, которые директрисе приходится расхлёбывать. Вот послушайте одну из таких историй!

Однажды, часов эдак в пять вечера, когда кассирша уже по обыкновению подсчитывала выручку за билеты, явился какой-то хмурый гражданин с жёлтой бабочкой на шее и дамочка в огромной шляпе с ягодами на тулье. Вот эти двое купили билеты и стали ходить по дорожкам.

— Ну и вонь, — сказал вдруг мужчина. — Ты тоже чувствуешь этот запах, Эмилия? Спорим, это от той гориллы, что вон там храпит в клетке. Фу, какая противная, волосатая, и нос у неё приплюснут — ну и рожа! Просто тошнит от неё.

Тогда Янка Орангутанова, которая наблюдала за этой парочкой из клетки напротив, возьми да и скажи:

— Мама, слышишь, какие невежи?! Это они о пане Горилле. Лучше бы в зеркало на себя посмотрели: вылитые страшилища из сказки, а ещё что-то о нас говорят. Ты только полюбуйся на его дурацкую бабочку и её шляпу!

Хмурый господин, как назло, услышал Янкины слова, обернулся и давай кричать:

— Но-но, полегче, я этого так не оставлю! Покупать билет в зоопарк, чтобы тебя там оскорбляла какая-то обезьяна! Да вы знаете, с кем имеете дело? Я же советник старшего советника городского совета.

А Янка на это и говорит:

— Я очень за вас рада, что вы советник, но я бы вам посоветовала вести себя как советник и отсоветовала бы вам носить всякие маскарадные штучки. Да и жене вашей тоже. Кстати, эти ягодки на шляпе нужно полить.

Янка схватила шланг для питьевой воды и окатила жену советника с ног до головы. Хмурый господин чуть не задохнулся от возмущения.

— Ну это уже слишком, — сказал он. — Мы идём жаловаться.

Он схватил свою Эмилию за руку и потащил к директрисе. А директриса тем временем болтала с кассиршей, которая пришла спрятать в сейф дневную выручку.

— Знаете, — говорит директриса, — мы с мужем вечером идём на бал-маскарад, я буду медузой. Смотрите, какой прекрасный парик, ну-ка примерьте его, посмотрим, как он на вас сидит.

— Нет, увы, ничего не выйдет: не налезет, — ответила кассирша. — Видите, какая у меня пышная шевелюра, надо бы постричься покороче.

Не успела она договорить, как в кабинет ворвался тот самый разъярённый хмурый мужчина со своей забрызганной Эмилией и давай кричать:

— Меня только что оскорбила какая-то дерзкая обезьянка! Посмотрите на мою жену: что за вид! Только не думайте, что я это так оставляю, я обязательно буду жаловаться в городской совет, недаром я там служу советником старшего советника!

«Батюшки-светы, этого нам ещё не хватало!» — подумала директриса, она сразу почувствовала, что грядут крупные неприятности. Уж если кто советник старшего советника городского совета, значит, дело серьёзное и тут не до шуток.

— Господи боже мой, — воскликнула она. — Наверняка это дело рук Янки Орангутановой, вечно эта девчонка что-нибудь натворит!

И она велела пану Белке, служителю зоосада, немедленно привести в кабинет Янку. Не успел никто глазом моргнуть, как Янка была уже тут как тут.

— Янка, ради бога, что ты опять натворила? — принялась распекать её директриса. — Всякому терпению есть предел: сплошное хулиганство, сплошные выходки. Немедленно извинись перед советником, а не то я тебе устрою!

Янка увидела, что директриса не на шутку огорчилась, пожалела её и стала извиняться:

— Уважаемый пан советник старшего советника городского совета, по совету пани директрисы прошу у вас прощения, я не хотела обидеть вас с пани советницей.

И советник стал советоваться с Эмилией, достаточно ли такого извинения.

— Советую принять её извинения, — сказала советница.

И оба они громко хмыкнули и покинули кабинет. Директриса, которой только что чудом удалось избежать серьёзных неприятностей, вздохнула с облегчением, а потом обратилась к обезьянке:

— Вот скажи мне, Янка, почему ты всё время озорничаешь? Неужели ты не умеешь развлекаться по-человечески? Бери пример с нас, интеллигентных людей. Ты когда-нибудь видела, чтобы я поливала посетителям шляпы?

Но тут она посмотрела на часы и вскрикнула:

— Ёлки-палки, уже четверть седьмого, у меня же бал-маскарад! Марш обратно в свою клетку!

И побежала на трамвай.

А Янка побрела обратно в свою клетку. В зоопарке уже ни души, кассирша ушла, пан Белка тоже, он вышел вместе с директрисой. Зоосад давно закрыт, все звери видят десятый сон, только звериная ребятня и не думает спать: после закрытия они встречаются тайком, чтобы хотя бы немного поболтать. По вечерам в зоологическом саду, знаете ли, скука смертная:

ни тебе кинотеатра, ни каруселей, остаётся только спать — разве это весело? Потому-то они и собираются своей компанией: Марек Слон, Станда Кенгуру, Каролина Мышь, Эмиль Пингвин, Томаш Панда и, конечно же, Янка Орангутанова, которая у них за главную. И вот в тот вечер Янка им говорит:

— Слушайте, ребята, я тут чуть не влипла в серьёзные неприятности, а всё из-за того, что не беру пример с интеллигентных людей и не умею развлекаться по-человечески. Я решила исправиться, и у меня появилась сногшибательная идея.

— Ну выкладывай, — сказала Каролина Мышь. — Выкладывай давай, не тяни! Что за идея?

— Итак, мы сегодня устроим бал-маскарад! — выпалила Янка. — Вот увидите, будет весело!

Все уставились на неё как бараны на новые ворота, а потом как закричат наперебой:

— Ура! Отличная идея! Просто блеск! Гениально! Такое только Янка может придумать!

И стали они прикидывать, кто кем оденется. Марек захотел быть ковбоем, Томаш кричал, что будет гномом, Каролина — принцессой. Но тут Янка говорит:

— Погодите, уважаемые, это полная ерунда! Где вы возьмёте ковбойские шляпы и золотые короны? Я предлагаю всем быть загадочными существами с неизвестной планеты. — И Янка отправилась собирать свой костюм.

Она нежно разбудила пана Моржа, старого добряка, и одолжила у него усы. Потом постучалась к Зубрам и взяла у них пару рогов. Всё шло как по маслу: у Грифов выпросила крылья, у Пеликанов — клюв, и нате вам пожалуйста, загадочное существо с неизвестной планеты готово.

А вот Томашу Панде не так повезло: он хотел одолжить львиную гриву, но сонный пан Лев сердито проворчал, чтобы Томаш оставил его в покое, ничего он давать не собирается. К счастью, у пани Львицы золотое сердце, и она стала уговаривать мужа.

— Вспомни, когда ты был маленьким, тебе ведь тоже хотелось играть и веселиться, — сказала она.

— Ладно уж, бери мою гриву! — согласился в конце концов пан Лев.

Постепенно вся компания собралась в кабинете директора, потому что там было радио. Зрелище это того стоило. Эмиль Пингвин взял поносить страусиные ноги и крылья летучей мыши, Каролина Мышь — жирафью шею и хвост тюленя, у Станды Кенгуру на носу красовался рог пана Носорога. Только у Марека Слона ничего не было: он хотел одолжить хвост у пана Павлина, но тот его прогнал — нечего, мол, надоедать всякими глупостями. К счастью, Янка нашла на письменном столе парик, который забыла директриса, так что у довольного Марека голова теперь стала как у медузы. Все смеялись, по радио передавали весёлые песенки, красный лимонад, который им купил пан Перепёлка на последние гроши, лился рекой. У пана Перепёлки очень доброе сердце.

— Пусть малыши порезвятся, — сказал он Янке, когда она собирала добровольный взнос на закуски и освежающие напитки.

И вот представьте себе картину: детвора резвится, поёт и танцует. Марек Слон отплясывает, как слон в посудной лавке, и — о, ужас! — проливает лимонад прямо на гриву Томаша Панды. И в это самое время в дверях неожиданно появляется директриса. Она вернулась за своим париком. Директриса от ужаса застывает на пороге, как соляной столп: не ожидала

она такого зрелища в своём кабинете. Она чуть не хлопается в обморок, что и понятно, но потом решительно берёт себя в руки и как закричит:

— Янка, ко мне!

Кто ещё мог такое выдумать! Янка видит, что дело плохо. Только закончились неприятности с советником старшего советника городского совета, а уже новая беда, тут бы ей пригодился чей-нибудь добрый совет. Янка не знала, что сказать в своё оправдание, и пролепетала что-то про развлечения интеллигентных людей. Но директриса даже не дала ей договорить:

— Молчи лучше. Ты видела когда-нибудь, чтобы я на маскарад брала уши у кассирши, а ноги у пана Белки?! Посмотри только, на кого вы похожи! Это уже не зоопарк, а настоящий дурдом. Если бы это увидел какой-нибудь зоолог, он бы в обморок хлопнулся. Быстро всё снимайте и спать! — крикнула директриса. — Немедленно спать!

Но о сне не могло быть и речи, потому что пан Лев раскричался ещё пуще, чем директриса: пан Лев прямо-таки взревел. Дело в том, что Томаш Панда вернул ему гриву всю в пятнах от лимонада.

— Дудки, я это не надену! — рычал пан Лев. — Вы что, меня за шута принимаете? Постирать, и немедленно!

Пришлось пани Панде постирать львиную гриву в мыльной воде, а на следующее утро повесить сушиться на солнышке. Но — о, ужас! — при сушке грива села и стала пану Льву совсем мала.

— Это уже не грива, а какой-то слюнявчик, — взревел пан Лев.

Целый день все над ним смеялись: и жена, и дети, и даже посетители. Тут уж пан Лев так разозлился, что потребовал

для Томаша самого строгого наказания. Когда директриса его спросила, что за наказание он имеет в виду, пан Лев взревел:

— Я лично его сожру!

«Ну приехали, — думает директриса, — похоже, Томашу конец. Какое горе, боже мой!» Во всём зоосаде траур: это, знаете ли, настоящий удар, бедняга Томаш, ещё совсем молодой, вся жизнь впереди, и такой конец.

Пани Панда плачет, пан Крокодил льёт крокодиловы слёзы, пан Волк воет, тут и там кто-то грустно всхлипывает. Неудивительно, что многие звери во всём винили Янку: мол, это всё из-за неё и её дурацких выдумок. Не будь этого бала-маскарада, Томаш мог бы дожить до пенсии, увидеть внуков и всё такое прочее.

А Янка сидела в своей клетке тихо как мышка и лихорадочно придумывала, как спасти друга, которого ждёт такой страшный конец. Думала-думала, тёрла ладошкой лоб и вдруг как закричит:

— Знаю! Придумала! Томаш спасён, и как я раньше не догадалась!

Янка бросилась к львиной клетке, со словами «Погодите секундочку» схватила несчастную крохотную гриву, понеслась с ней к билетной кассе и говорит:

— Вот то, что вам нужно, милая пани кассирша! Вы отдадите пану Льву свою роскошную шевелюру, а себе возьмёте вот эту гриву поскромнее, вы же как раз хотели постричься.

Кассирша осталась очень довольна таким обменом, пан Лев тоже, да и Томаш, само собой. Да что там, весь зоопарк ликовал во главе с директрисой, ну а Янка Орангутанова была на седьмом небе от счастья: вся её компания теперь снова в сборе, и никому ничего не грозит.

Янка

Как

Однажды вечером, когда в кассе уже никого не было, а ворота зоологического сада были закрыты, пан Белка шёл себе домой с работы. Идёт он мимо всех этих клеток и загонов, а кругом только храп. Вон там спит пан Тигр, тут пан Шимпанзе, чуть подальше пани Медведица — словом, настоящее сонное царство. Пан Белка остановился возле клетки пана Гориллы, который как раз натягивал пижаму и зевал во весь рот, и говорит:

— Не понимаю я вас, зверей: как только уходит последний посетитель, у вас сразу ночь-полночь. Неужели вы так любите поспать? Мне бы это страшно наскучило. — Покачал он головой и пошёл дальше.

— Вы абсолютно правы, пан Белка, — раздалось вдруг у него под боком.

Пан Белка оглянулся и увидел Янку Орангутанову: она догнала его и уже топала рядышком. Подняла к нему мордочку, взяла за руку и продолжает:

— Мне вот спать совсем неохота, и признаюсь вам: как только мама с папой и дедушкой закрывают глаза, я тут же смываюсь. А мой друг Эмиль Пингвин? То же самое. И Марек Слон тоже. Ну сами рассудите, пан Белка, когда нам ещё общаться, как не по вечерам? Днём-то нельзя. Не могу же я после обеда взять и зайти поболтать со Стандой Кенгуру. Это запрещено.

отучила
зверей
лениться

Директриса говорит, что, если на клетке написано «кенгуру», там не должна сидеть обезьяна, а то люди совсем запутаются. Я тут нашла пустую клетку, оставшуюся от покойного пана Броненосца, и там мы по вечерам собираемся. Только, пан Белка, никому ни слова!

Разумеется, пан Белка обещал, он был добрейшей души человек. Они ударили по рукам, потом пан Белка вышел, запер за собой ворота и ещё помахал Янке на прощание.

А в той самой клетке её уже ждали Марек Слон, Томаш Панда, Эмиль Пингвин, Станда Кенгуру и Каролина Мышь.

— Привет, Янка! — закричал Томаш Панда издалека. — Ну наконец-то! Где тебя носит?

И все принялись обсуждать, что сегодня вечером поделать, куда пойти и всё в таком духе.

— Послушайте, — предложил Марек Слон, — давайте попробе́мся в павильон Б и слопаем пару рыбок в аквариуме!

Но Янка покачала головой:

— Ну ты придумал! Посмотри на себя: у тебя и так ноги как сардельки, а мы ещё тебя будем поощрять к обжорству.

— К тому же до павильона Б идти в горку, лень, — добавила Каролина и закатила глаза.

Тут раздался голос Станды Кенгуру:

— Пойдёмте лучше в администрацию, посмотрим там мультики!

Это предложение всем понравилось. И вот идут они на мультики, и вдруг слышат на дорожке какое-то странное сопение: уф-уф-уф. Дети испугались и на всякий случай спрятались в кусты. Когда снова наступила тишина, Эмиль Пингвин сказал:

— Не бойтесь, это мой дядя Оскар, он каждый вечер бегаёт по всему зоологическому саду.

— Ха-ха! Вот чудак! — засмеялся Марек Слон. — Какая-то у тебя странная родня, а, Эмиль?

— Тоже мне умный нашёлся! — осадила его Янка. — Бегал бы тоже — не был бы таким толстяком.

Но не успела Янка договорить, как опять послышалось «уф-уф-уф»: Оскар уже бежал обратно. На этот раз он заметил удирающего в кусты племянника и накинулся на него, с трудом переводя дух:

— Что это такое? Вечер уже, а ты тут разгуливаешь как ни в чём не бывало. Я всё папе расскажу!

— Пожалуйста, дядюшка, — стал упрашивать Эмиль. — Мы ничего плохого не делаем, мы просто идём с друзьями смотреть мультики.

— Ну и дурацкая затея, — ухмыльнулся дядя Оскар. — Телевизор смотреть вредно. Пойдёмте лучше со мной гимнастику делать, это гораздо полезнее.

Янка на секунду задумалась, потом щёлкнула пальцами и говорит:

— А давайте! Отличная идея вообще-то!

И все стали делать зарядку прямо на газоне. Сначала вольные упражнения: раз-два-три-четыре, дядя Оскар показывает, а все повторяют — раз-два-три-четыре! А потом дядюшка говорит:

— Достаточно, теперь займёмся кое-чем поинтереснее: прыжками через коня!

Для этого он привёл из загона своего лучшего друга, пана Коня Пржевальского. Тот терпеливо стоял и давал через себя перескакивать. У всех получалось неплохо, а у Станدى Кенгуру вообще блестяще. Только у Каролины Мыши возникли сложности,

она ведь совсем крохотная, но тоже старалась как могла, а дядя Оскар ей помогал. В конце концов и у неё получилось!

— Отлично! Bravo! Ура-а-а! — закричали все.

А вот этого как раз делать не стоило. Зря они так громко, ведь мы же помним, что весь зоосад давно видел десятый сон. А если разбудить того, кто видит десятый сон, то мало не покажется. И вот уже со всех сторон посыпались страшные ругательства, слышался рёв пана Тигра, донеслись крики пана Страуса и брань пани Медведицы: «Я так вам задам, своих не узнаете!»

— Предлагаю отступить, — прошептала Янка.

Дядя Оскар согласился.

— Знаете что? Давайте лучше побегаем! — предложил он.

И стали они бегать по дорожкам зоосада. Каролина опять отставала — само собой, ведь она не какой-нибудь там олень, а всего лишь маленькая мышка. Все Каролину дружно подбадривали.

— Давай-давай! — кричали они.

Только это опять зря, ведь остальные звери видели десятый сон, а если разбудить криками «Давай-давай» того, кто видит десятый сон, то он уже за себя не отвечает и обязательно проревёт:

— Это уж слишком! Опять! Что это за порядки тут? Я буду жаловаться!

Именно так орал в вечерней тишине пан Гепард, и остальные ворчали в унисон.

И действительно, на следующее утро несколько представителей от зверей пришли жаловаться директрисе на дядюшку Оскара: он, мол, устраивает безобразия по вечерам, из-за этого приличные звери не могут после службы выспаться. Да ещё и детей подбивает, ну и всё в таком духе.

— Нарушитель общественного порядка должен быть наказан со всей строгостью, — так закончил свою речь пан Гепард, а пан Страус с пани Медведицей, которые его сопровождали, энергично закивали.

Директриса вздохнула — снова какие-то сложности, снова неприятности. Неужели в этом зоологическом саду не может хоть на денёк воцариться мир и покой? Она послала пана Белку за дядюшкой Оскаром, которому собралась объявить выговор и запретить строго-настрого нарушать общественный порядок по ночам.

Но в этот момент в дверях появилась Янка со всей компанией и говорит:

— Извините, уважаемая директриса, конечно, не нам судить, вы в этом лучше разбираетесь, но мы считаем, что выговора заслуживает кое-кто другой. Взять хоть всех этих лентяев, которые только и делают, что валяются и дрыхнут. Вот вы любите повторять, что, если на клетке написано «гепард», там и должен быть гепард. Извините, уважаемый пан Гепард, что я привожу вас в пример, но неужели наш пан Гепард — настоящий гепард? Если я не ошибаюсь, гепард — самое быстрое животное в мире, но о нашем такого точно не скажешь. Наш пан Гепард разве что во сне кого-нибудь обгонит, не так ли?

Пан Гепард, разумеется, страшно разозлился и взревел:

— Да что себе позволяет эта обезьянка? Это уже переходит всякие границы! Она думает, что ей можно меня оскорблять? Она осмеливается утверждать, что я не самое быстрое животное на земле, хотя все дети это проходят по биологии. А руководство зоологического сада, значит, даже не примет никаких мер в связи с этими оскорблениями? Это уже... это просто...

— Позвольте, — осторожно перебила его директриса. — Кто сказал, что я спущу это Янке? Янка, немедленно извинись перед паном Гепардом и возьми свои слова обратно...

Но тут уже Янка перебила директрису: она, улыбаясь, подняла руку и говорит:

— У меня, пани директриса, есть небольшое предложение. Раз пан Гепард так злится, что я осмелилась усомниться в его силах, пусть он нам любезно продемонстрирует, что он умеет. Ничто нам не мешает устроить забег, где все звери зоологического сада смогут показать, на что они способны. А если пан Гепард выиграет, то я, и вся наша компания, и пан Оскар Пингвин охотно принесём ему извинения. Что вы на это скажете?

Директриса задумалась, потёрла подбородок, а потом говорит:

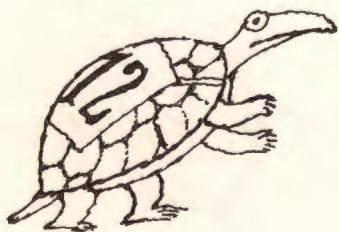
— А знаете, не такая уж это плохая идея. В понедельник зоопарк закрыт, давайте устроим день спорта! Но только между нами, без публики, начнём, скажем, в десять ноль-ноль.

Итак, на понедельник был назначен большой забег по всем дорожкам зоологического сада. Кассирше было поручено выполнять роль распорядительницы, пан Белка натягивал между деревьями большой плакат: на одной его стороне было написано «Старт», на другой — «Финиш». У директрисы во рту был свисток, а в руке — секундомер. Перед белой линией топтались участники соревнования: пан Страус, пани Медведица и пан Гепард, которому пан Горилла массировал икры. Пан Гепард смеялся: «Ха-ха, победа у меня в кармане, только безумец осмелится тягаться со мной, ха-ха». И он самодовольно поглядывал на остальных зверей, которые вешали себе на грудь большие номера. Пану Муравьеда достался номер 12, пани

Ленивице — 27, пану Шиншилле — 55. Пан Оскар Пингвин тоже прицепил номер. Распорядительница поставила его в самый последний ряд, чтобы его было не очень видно: уж больно у него забавный вид, который мог нарушить чинную атмосферу великого марафона.

Ровно в десять ноль-ноль директриса дала свисток, и соревнования начались. Первым, разумеется, стартовал пан Гепард: он сразу вырвался вперёд широкими скачками. Только вот — ай-ай-ай! — на первых же порах у него в лодыжке что-то хрустнуло, пан Гепард взревел, как раненый зверь, и, прихрамывая, сошёл с беговой дорожки. Вперёд вырвался пан Страус: длинные ноги — это длинные ноги, знаете ли. Но что такое, что такое? Пан Страус неожиданно остановился, видно, что ему очень больно: оказывается, ногу свело — вот беда. Ничего не поделаешь, с судорогой бежать не получится. Пан Страус отошёл, прихрамывая, чтобы не мешать тем, кто продолжал состязание. А их ещё целая толпа: пан Бегемот пыхтел как паровоз, пан Шиншилла старался изо всех сил, впереди бежал пан Горилла, и даже с большим отрывом, но возле павильона Б, где дорожка пошла в гору, ему не хватило дыхания, и он начал замедляться. Вперёд вырвался дядюшка Оскар. Он-то знал маршрут как свои пять пальцев, его не застанешь врасплох какой-то горкой, он уже сто раз по ней взбирался. Оскар бежал по этим дорожкам каждый вечер, зимой и летом, поэтому и сейчас бежал легко, это был для него суший пустяк, а далеко позади пыхтели и отдувались остальные участники забега. У пани Медведицы шуба насквозь промокла от пота, у пана Дикобраза морда покраснела, будто его вот-вот удар хватит, а где-то в самом хвосте плелась пани Черепаха. Она старалась

изо всех сил, как, впрочем, и остальные, которые тщетно пытались догнать дядюшку Оскара. А он был уже почти у цели: ещё десять шагов, два шага, один — и вот Оскар Пингвин разрывает финишную ленту. Раздаются овации и крики:

— Слава победителю! Да здравствует дядюшка Оскар!

Вся компания молодёжи во главе с Янкой старалась на славу, настоящий трамтарарам устроили. Марек трубил хоботом, как на трубе, Станда Кенгуру осыпал дядюшку Оскара цветами, которые горстями зачерпывал из своего вместительного кармана на комбинезоне, Томаш поднял табличку с надписью «Да здравствует Оскар — чемпион нашего зоосада». А Янка подошла к директрисе, дёрнула её за юбку и спрашивает:

— Ну что?

— Да, ты была права, девочка, — ответила директриса. — Я и представить себе не могла, до чего доводит такое безделье. Ужас просто, чем закончился этот забег для бедного пана Гепарда и всех остальных.

Янка на это мило улыбнулась и говорит:

— Знаете, уважаемая пани директриса, ещё не всё потеряно!

И вот с тех пор, с того самого забега, каждый вечер, когда в зоологическом саду закрывались главные ворота, все звери выстраивались на газоне на зарядку. Дядюшка Оскар показывал упражнения — раз, два, три, четыре, — и все повторяли за ним — раз, два, три, четыре. И при этом довольно улыбались. Ведь это было куда веселее, чем валяться в своей норе, особенно когда Янка подыгрывала на банджо!

Как Янка

Однажды вечером, когда все посетители ушли и закончилась зарядка, вся компания собралась в пустой клетке покойного пана Броненосца и стала обсуждать, что бы сегодня поделать. Станда Кенгуру предложилделиться на команды и поиграть в воров и полицейских. Каролина Мышь усмехнулась, мол, это полная ерунда, уж лучше поиграть в дочки-матери. Но на этот раз засмеялся Эмиль Пингвин:

— Ха-ха, мы что, дети малые? Уж лучше поиграть в доктора, точнее в ветеринара, и то интереснее.

Но Томаш Панда покачал головой и постучал пальцем по лбу. В конце концов в спор вмешалась Янка, она предложила устроить турнир по шарикам.

— Правильно, — сказал Марек Слон. — То, что надо!

А поскольку у каждого найдётся в кармане по несколько шариков, звери быстро вырыли в земле ямку и принялись играть. В самом начале игры казалось, что все шансы на выигрыш у Марека: он так аккуратно подталкивал шарики кончиком хобота, что все только диву давались. Но вскоре его догнала Каролина, состязание стало напряжённым. И вот представьте себе, когда игра была в самом разгаре, вдруг посреди этой нервотрёпки в ямке что-то закопошилось, из неё высунулась чёрная кротовья мордочка и испортила всю игру.

устроила
цирковое
представ-
ление

— Ну прекрасно, — рассердилась Янка. — Тебя нам только не хватало, в самую точку попал, не представляешь, как мы тебе благодарны. А, чтоб тебя! Теперь придётся новую ямку копать.

— Извините, я что-то натворил? Не сердитесь, я даже не понимаю, что случилось, — грустно пропищал маленький кротик.

А Каролина Мышь, которая проглотила уйму книг и журналов, говорит:

— Ещё бы! Конечно, не понимает: он же слепой от рождения, ещё некто Аристотель об этом писал, а он никогда не врёт.

Янке сразу стало стыдно, что она так набросилась на маленького кротика, поэтому она продолжила уже совсем другим тоном:

— Бедняжка, ты правда не понимаешь, что натворил? Наверное, ты никогда не играл в шарики, да?

— А что такое, простите, шарики? — спросил маленький слепой зверёк.

И всем сразу стало ясно, что этот малыш, которого, кстати, звали Карел Крот, — самое несчастное существо на свете. Мало того что его отца недавно сожрал пан Хорёк, так он ещё в жизни не видел ни солнышка, ни кошки, ни верблюда, ни бабочки-белянки, ни бабочки-желтушки, он не знал, как выглядит зубная паста или зубная щётка, он даже не знал, как выглядит его собственная мама!

И тогда Янка с Эмилем и Томашем и Каролина с Марекком и Стандой решили, что это и правда ужасно — никогда ничего не видеть и, значит, не знать. Они попробовали ему объяснить, что белянка белая, желтушка жёлтая, верблюд коричневый, объяснить, что мир вокруг полон разных весёлых красок. Правда, о маме-кротихе лучше умолчать, ведь она чёрная-пречёрная, а это самый печальный цвет на свете.

Но представьте себе, у них ничего не вышло. Карел Крот не знал, что такое белый цвет, жёлтый цвет и коричневый. Если уж кто слепой, то видит только чёрную тьму. И вся компания повесила носы, ведь правда ужасно, когда кто-то даже не знает, как вообще выглядит мир, в котором он живёт. Но тут Янка вдруг улыбнулась и говорит:

— Знаете что, а у меня есть идея!

И когда все наострили уши, объяснила:

— Мы с Карелом пойдём к нам, в восемь часов я лягу спать и на ночь одолжу ему свои глаза, пусть хоть звёзды и луну увидит. Что думаете?

Но дома оказалось, что всё не так просто. Мама Янки, пани Орангутанова, и слышать об этом не хотела.

— Вот ещё! — сказала она. — Даже думать не смей! Глаза у тебя только одни, нечего их одалживать направо и налево. А вдруг с ними что-то случится, и ты без глаз останешься?

— Правильно, мать, — вторил ей пан Орангутан, — осторожность никогда не повредит!

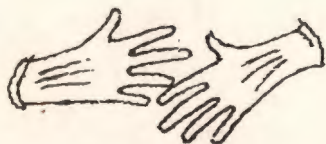
Вся компания печально переглянулась: что тут поделаешь, можно было это предвидеть. Теперь они опять усиленно стали думать, как же помочь Карелу.

— Надо же, какая несправедливость! — сказал Томаш. — У кого-то вообще глаз нет, а у кого-то их столько, что не сосчитать, вот как у пана Павлина на хвосте. И что он с ними делает? Их там штук пятьдесят, не меньше. И не говорите, что они все ему нужны.

Тут Янка как подскочит:

— Это же отличная идея! Попросим пана Павлина поделиться: пусть отдаст парочку бедняге Карелу.

И все отправились напрямик к пану Павлину. Но тот даже не пригласил ребят войти, а сразу завёл своим скрипучим голо-сом (слышали бы вы его!):

— А мне-то какое дело, что ваш кротик не видит? Не будь он таким лопухом, что-нибудь бы придумал: глаза сегодня у всякого найдутся. И вообще я пан Павлин, а не какая-то там благотворительная организация. Почему я должен кому-то что-то дарить? Вот только если дать напрокат, тогда другое дело, но, конечно, за вознаграждение. Мне как раз очень нужны белые перчатки, так что услуга за услугу: принесите мне перчатки — тогда поговорим!

Опять компании пришлось совещаться, настроение было испорчено. Конечно, этого следовало ожидать, все знают, что пан Павлин — ужасный жадина. Так уж заведено: каждый богач мечтает ещё больше обогатиться. Но что делать с Карелом, с беднягой Карелом, который не видел в жизни ни солнышка, ни белянки, ни даже собственной мамы? Нельзя этого так оста-вить. А что, если раздобыть такие перчатки? Но как?

— Белые перчатки — это вам не рогалик или жвачка какая-нибудь, белые перчатки стоят уйму денег. Да и где их взять, скажите мне на милость? — возмущалась Каролина. А Марек тем временем задумчиво чесал хоботом за ухом.

— Послушайте, господа, — сказала вдруг Янка. — Я придумала, что делать! Деньги мы добудем на раз-два.

И она предложила устроить цирковое представление! А поче-му бы и нет? Многие звери умеют делать что-то необычное: пан Хамелеон меняет цвета, пан Рак ловко ползает задом наперёд, пан Олень с коллегой могут показать такой красивый поединок, что у зрителей челюсти отвиснут, они и трубить умеют —

словом, много чего можно показать публике. Итак, Янка договорилась со зверями и добрым паном Белкой и отправилась с визитом к директору цирка-шапито пану Сарасани, который как раз гастролировал в городе.

Но вот беда: директор цирка оказался чопорным франтом. Стоит он весь такой важный, одной рукой приглаживает волосы над ухом, другой поправляет галстук, и говорит:

— Погодите-погодите, а где ваш импресарио или же агент? Я не собираюсь разговаривать с обыкновенной обезьяной!

Снова компания собралась на совет, все уже порядком раскисли: не везёт так не везёт. К счастью, Каролина Мышь знала все свалки в округе: на одной из них она видела старый манекен с витрины. Звери отыскиали манекен, Каролина забралась в него через дырку в пятке и стала им управлять. Левая-правая, левая-правая — шагает манекен, а Янка семенит рядом.

— Вот, пан директор, наш импресарио или же агент, — заявила Янка, и они с директором цирка быстренько составили договор: какие звери из зоосада будут участвовать сегодня в вечернем представлении, какой за это получают гонорар и так далее.

И вот наступил вечер, заиграла музыка, над шатром взвились разноцветные флажки. К цирку стала стекаться публика, рассаживаться по своим местам, шуршать фантиками от конфет. Наконец все затихли, и на манеж вышла Янка с каким-то удивительным зверем, который выглядел как коза, но был весь покрыт странными пятнами.

— Добрый вечер, многоуважаемая публика! Извольте угадать, что за зверь стоит на манеже перед вами, — провозгласила Янка.

А зрители засмеялись:

— Ха-ха, ну и вопрос! Это же ясно как день: самая обыкновенная пятнистая коза!

Но только коза оказалась необыкновенной: шея у неё начала вдруг вытягиваться. Она вытянулась сначала на полметра, потом на метр и, наконец, на целых два метра. Вовсе это была не пятнистая коза, а пани Жирафа. Теперь вы понимаете, что значит сила воли? Пани Жирафа тренировалась весь вечер. Она кланялась, и публика восторженно аплодировала, овации не умолкали.

— Мы в жизни такого не видели! — кричали люди.

И директор цирка остался очень доволен, он пригладил волосы над ухом, поправил галстук и сказал Янке:

— Вот ваши деньги, завтра приходите снова.

Станда Кенгуру пересчитал выручку, сгрёб деньги в свой вместительный карман и говорит:

— Думаю, этого хватит.

А на следующее утро вся компания с помощью доброго пана Белки выбралась из зоосада и направилась в кожгалантерею за белыми перчатками для пана Павлина. Они были дорогие, что и говорить: роскошные мягчайшие перчатки для настоящего франта. Станда высыпал из кармана все деньги прямо возле кассы, но — ой! — там не хватало десятки, вот беда! Продавец нахмурился, похоже, что пани Жирафа зря старалась. Тут Марек Слон попытался спасти положение и сказал:

— Уважаемый продавец, я могу вам что-нибудь красивое протрубить. Только не говорите, что у вас нет любимой песни.

Продавец кожаных товаров подумал немного и отвечает:

— Ну хорошо, сыграйте какую-нибудь песню из кожевенной отрасли.

А Марек Слон даже глазом не моргнул и заиграл. Он всё-таки сам толстокожий, и кожаных песенок знал штук пять, не меньше. Он затрубил песенку «Мой бедный милый друг, одна кожа да кости...». Это была красивая и грустная песня, Марек играл с большим чувством, продавец растрогался, смахнул слезу и сделал зверям скидку. В конце концов компания ушла с покупкой.

Пан Павлин был буквально околдован белыми перчатками. Он сразу примерил их перед зеркалом, и они пришлись ему как раз впору. Выглядел он в них потрясающе — теперь уж точно первый франт во всём зоологическом саду. Вертелся он так перед зеркалом и приговаривал:

— Уважаемые, надо признать, что вы и правда проделали прекрасную работу, перчатки просто шик, так что я охотно выполню своё обещание. Вот вам два глаза, но только на пять минут, кроту этого хватит с лихвой!

Пан Павлин повернулся к своему роскошному хвосту, снял два глазка и протянул их Янке. Янка бросилась со всех ног к кроту: нельзя терять ни секунды, ведь пять минут — это так мало. Вся компания побежала за ней следом, голося на всю округу:

— Скорее! Все за нами! Сейчас начнётся цирковое представление для Карела Крота. Ему впервые покажут солнце, бабочку-белянку и верблюда! Скорее-скорее, у нас ровно пять минут!

И в мгновение ока весь зоосад уже толпится вокруг маленького Карела, который даже не понимал, что происходит и что он вот-вот увидит нечто, кроме чёрной тьмы.

— Стой и не вертись, — велела Янка и приставила ему глаза к мордочке.

Они оказались чуть великоваты, но это и не страшно: большими глазами больше увидишь.

— А теперь смотри, — сказала Янка. — Смотри как следует, чтобы всё увидеть. Вон там заходит солнышко. Правда, оно прекрасно? А это пани Жирафа и пан Бегемот, это наш добрый пан Белка, он вовсе не зверь, а человек. А это ромашка, такой цветок, понимаешь? Но бабочек тут нет, для них уже слишком поздно, они уже давно дрыхнут. А это пан Верблюд. Видишь, какой он красивый, коричневый? Правда, удивительно, какой этот мир красивый?

А Карел Крот оглядывался кругом и не мог надивиться, он видел, что мир полон цветов, зверей и людей, видел дорожку, и куст бузины, и облачко на небе. Он был сражён этим дивом дивным, всё это было просто потрясающе, но чего-то ему не хватало. Ему хотелось увидеть ту, кого он любил больше всего на свете: ему хотелось увидеть свою мамочку. Это и понятно, но совершенно невозможно, ведь пани Кротиха в этот момент рыла ход где-то глубоко под землёй. Ужасно жаль, ведь такой случай мог больше и не представиться.

— Мама, мамочка, — звал Карел своим слабым тоненьким голоском. — Я хочу тебя увидеть!

Но представьте себе, все звери поняли, как это для кротика важно, и подхватили вместе с ним:

— Мама, мамочка!

Пан Белка тоже кричал «мамочка», и даже пан Лев своим громовым голосом ревел:

— Мамуля, ну где же ты?

Но тут вместо мамы-кротихи явился пан Павлин в новых белых перчатках и говорит:

— Так-так, ну, потихонечку заканчиваем. Условия есть условия, их нужно соблюдать!

К счастью, не успел он договорить, как показалась из-под земли пани Кротиха, она всё-таки услышала громкий рёв пана Льва. И вот она высунула мордочку и говорит:

— Извините, кто-то меня звал или мне показалось?

Тут маленький Карел чуть с ума не сошёл от радости.

— Я тебя звал, мамочка, я хотел тебя увидеть. Я тебя вижу! Ты прекраснее солнышка, прекраснее верблюда, ты самая красивая на всём белом свете, моя дорогая мамочка! А теперь я дам глаза тебе, чтобы и ты на секунду увидела меня.

Но этого уже пан Павлин не мог допустить, время истекло, условия нужно соблюдать, порядок должен быть, а иначе никак. Он забрал два своих глазка и прицепил обратно на хвост к другим пятидесяти. А маленький Карел Крот снова погрузился в привычную чёрную тьму. Но знаете, он уже не был таким печальным, как раньше. Ведь ему довелось увидеть мир, полный весёлых красок, а главное, эта тьма вокруг теперь ему даже нравилась. Ведь она точь-в-точь такая же чёрная, как его собственная мама, а мама — самая прекрасная из всего, что он видел.

Янка

Как

Каждый день зоологический сад заполнялся мамами и папами, дядями и тётями, а главное — детьми, причём самыми разными: кудрявыми, лохматыми и причёсанными.

— Папа, посмотри, кто это? А там кто? — спрашивали дети.

А папы отвечали:

— Это пеликан обыкновенный, а там пингвин обыкновенный, видишь, Владенька?

Смотрел Эмиль Пингвин, как Владенька показывала на него пальцем, а сам думал: «Тоже мне умный папаша нашёлся! Никакой я не обыкновенный, я, между прочим, патагонский, чтоб ты знал». Но вообще-то ему нравилось, как хорошо себя вела девочка Владенька, не то что вон тот мальчишка, который пришёл со своей тётушкой Анежкой. Звери его совсем не интересовали, ему подавай ванильное мороженое. Он стоял перед мороженщиком и вопил, верещал и ревел, пока ему не купили огромный рожок ванильного мороженого. Потом он взял рожок и швырнул его в мусорное ведро, а сам бросился на землю, стал колотить руками и ногами и снова как завопит, заверещит и заревёт. Он, оказывается, хотел не ванильное, а клубничное. Прохожие начали останавливаться и качать головами, а звери из клеток за ним наблюдали и думали: «Ну и хулиган! Отшлёпать бы его, и дело с концом!» Ежу понятно, что тёте Анежке с ним не управиться.

пере-
воспитала
мальчика

— Ну, Миречек, так не делают! — ласково говорила тётя Анежка. — Посмотри на мишек, как они на тебя смотрят. Что они о тебе подумают?

Но Миречек на это только со всей силы лягнул её по ноге, и тётя завизжала от боли: «Аууу!» А Янкин друг Томаш Панда подумал: «Ай-ай-ай, мальчик, ну ты даёшь! Смотреть противно».

Но дальше хуже. В клетке Орангутанов дедушка как раз рассказывал Янке о днях своей молодости, а именно о том, как однажды охотник гнал его с ружьём через всю Суматру. Сейчас это уже, разумеется, запрещено, а тогда охотник стрелял в него, стрелял и никак не мог попасть. И ровно на этих самых словах дедушке в голову угодил камень, да с такой силой, что искры из глаз посыпались. Конечно, это сделал Миречек, негодяй этакий. Это он швырнул камень и уже подыскивал новый. Служители зоопарка побежали с раненым дедушкой в медпункт, ведь травма была довольно серьёзной, и бедняге следовало отлежаться. А тётя Анежка смотрела на это и только головой качала:

— Миречек, что на тебя нашло? Хорошие мальчики не бросаются камнями, обезьяне больно... Ай!

Тут тётя опять замолкла и поджала уже другую ногу, а потом с трудом села на лавочку, потирая отбитую лодыжку.

Янка смотрела, как уносят дедушку, и думала: «Ну, дружочек, я тебе это припомню, ты у меня попляшешь». Она тут же созвала свою компанию в пустой клетке, оставшейся от покойного пана Броненосца. Томаш с Марексом и Станда с Эмилем сразу поняли, кого Янка имеет в виду.

— А, знаем, — сказали они. — Это тот самый Миречек, который вопит как резаный и дерётся ногами. Отлупить его мало, это такой негодяй, каких ещё поискать надо.

Всей компанией они разработали план мести, и сразу взялись за дело. Поэтому, когда тётя Анежка собралась домой, Миречек как сквозь землю провалился. Тётя оглядывалась по сторонам, звала «Миречеееек!», носилась по дорожкам туда-сюда, но мальчика и след простыл. Само собой, ведь в эту самую минуту Миречка в клетке покойного пана Броненосца запихивали в старую шкуру пана Ревуна*, и Томаш затыкал Миречку рот, чтобы тот не орал. Молния на шкуре была сломана, так что зверям пришлось повозиться. Но в конце концов им удалось её застегнуть: из Миречка получился превосходный ревун, и теперь в клетке стало одной обезьяной больше.

А тётя Анежка тем временем уже бросилась к директрисе.

— Только успокойтесь, пожалуйста, — говорила ей директриса, — ваш племянник обязательно найдётся. В нашем зоологическом саду ни один ребёнок ещё ни разу не пропадал.

Вдруг тётя Анежка прислушалась и подняла палец вверх:

— Погодите-погодите, так ревьёт наш Миречек!

Она подбежала к окну, а потом бросилась опрометью вниз через две ступеньки. Ну точно, где-то там за углом ревел её Миречек, тётя неслась на голос на всех парах. Прибежала она и видит: это и правда Миречек, только в обезьяньей шкуре его совсем не узнать. Тётя попыталась сорвать с племянника этот странный наряд, но у неё ничего не получилось, молния-то, как известно, сломана. Тогда тётя Анежка посмотрела на часы, схватила мальчика и потащила его к воротам прямо в таком виде.

А за ними погналась директриса.

— Что вы вытворяете? — кричала она. — Не будете же вы уводить из нашего зоопарка обезьяну! А если все начнут уводить жирафов, зебр и кенгуров? Можно тогда сразу сворачивать лавочку.

* Ревуны — самые громкие обезьяны на свете. Их крики слышны на многие километры вокруг.

— Извините, но это не обезьяна, — решительно ответила тётя Анежка. — Это Миречек, мой племянник, я обещала его вовремя привести домой. Уже половина шестого, так что простите, я очень спешу, как бы нам не опоздать к ужину.

Ужин, правда, всё равно не удался.

— Нет уж, — сказал папа. — За стол с обезьяной я не сяду, дудки.

И он положил Миречку в прихожей подстилку из старого одеяла, с которым раньше ездили на пикники. Мальчику это, само собой, не понравилось, он начал так страшно реветь, верещать и вопить, что все соседи высыпали на лестницу и стали звонить и стучать к ним в дверь. Отец Миречка открыл, но вид у соседей был очень суровый.

— Послушайте, пан Адамек, — сказали они. — Ладно ещё там кошку, собаку или канарейку — это пожалуйста, держите, но обезьяну — ни в коем случае. Ревун — не домашнее животное, почему мы должны слушать эти вопли? Вы бы ещё парочку тигров завели, нам бы оставалось только переехать! Короче говоря, это жилой дом, а не зверинец!

Пришлось папе Миречка пообещать, что он завтра же что-нибудь придумает. Он своё обещание выполнит, как мы скоро убедимся, но пока запаситесь терпением. Потому что сейчас мы перенесёмся в начальную школу, во второй «А» класс. Там как раз начинается урок, и Миречек сидит как миленький на первой парте. Входит учительница, видит ревуна и сразу же падает в обморок. Что? Ревун на первой парте?! Она выпила слишком крепкий кофе, что ли? Школьный сторож и два самых сильных ученика уносят учительницу в учительскую. Там её коллеги бросают проверять контрольные и бегут в класс, где уже собрались

другие учителя и директор. И представьте себе, учитель Кабанчик, который ведёт естествознание, вдруг заявляет:

— У меня идея: этого ревуна можно использовать в качестве наглядного пособия. Я возьму его в третий «Б», у меня там как раз урок про обезьян.

И вот уже Миречек поднимается с учителем на этаж выше и становится на кафедру.

— Ребята, — говорит учитель Кабанчик, — обратите внимание, какая у этой обезьяны необычная густая шерсть. Это ревуна чёрный, длинношёрстный, у него укрупнённая подъязычная кость, распространён на территории Южной Америки, где обитает в дождевых лесах, в кронах высоких деревьев.

Учитель Кабанчик всё рассказывал и рассказывал, да так монотонно, что его голос прямо-таки убаюкивал, и у Миречка стали слипаться глаза. А тем временем хулиган и двоечник Вредек на последней парте прошептал своему другу Дубинеку:

— Эй, смотри, этот ревуна какой-то сонный. Давай его разбудим!

Он вытащил из кармана рогатку и подтолкнул Дубинека локтем, мол, «смотри в оба».

— Ревуны, ребята, живут в группах по пять-десять особей, поодиночке их редко можно встретить, — продолжал учитель.

И тут ревуна на кафедре как заревёт, схватился за голову и вон из класса. А Вредек хихикает и выпендривается перед Дубинёком:

— Прямо по кумполу попал, точно в яблочко, видал?

Учитель Кабанчик объяснил ученикам третьего «Б», что, по всей видимости, ревуна убежал, чтобы присоединиться к какой-нибудь группе из пяти-десяти особей, как это у них заведено.

А Миречек уже шагнул из школы домой, ощупывая шишку на голове и ругая школу на чём свет стоит:

— Всё, в эту школу я больше ни ногой. Чтоб в меня там камнями швырялись! Покончено с этим, баста.

Но когда Миречек пришёл домой, то увидел за столом какого-то незнакомого мужчину. Мужчина встал, пригладил правой рукой волосы над ухом, поправил галстук и говорит:

— А-а-а, вот и он!

Это был наш старый знакомый, директор цирка Сарасани. Папа тоже встал и закивал:

— Да, это наш Миречек, на данный момент ревун чёрный, редкий экземпляр, как изволите видеть, пан директор.

И директор цирка Сарасани довольно потёр руки, вытащил кошелек, отсчитал несколько банкнот и говорит Миречку:

— Ну, пошли!

И не успел мальчишка опомниться, как оказался на манеже в цирке. Дрессировщик был, видимо, итальянец, у него были чёрные закрученные усы, и говорил он с сильным акцентом:

— Миречек, а теперь перепрыгнула этот коробка живо, але-оп! Нет-нет-нет, плёхо, ещё раз, але-оп!

И Миречек скакал через коробку один раз, второй, десятый и двадцатый, но дрессировщик снова и снова говорил:

— Миречек, плёхо, але-оп!

А когда это повторилось уже в девяностый раз, Миречек подумал: «Ну всё, с меня хватит». Взял ноги в руки и дал дёру.

Только выскочив из цирка, он смог наконец перевести дух в парке на лавочке. И вот он весь потный, как зеркало в ванной, сидит такой несчастный и размышляет: «И что теперь? Домой нельзя, в школу тоже, в цирк не хочу, куда же мне пойти?»

И тут мимо идёт пожилой сторож, с небольшим брюшком и лукавыми глазками. Завидев Миречка, он остановился и говорит:

— Не может быть! Что я вижу?! Ревун чёрный, таких в этом парке отродясь не водилось. И что это мы тут делаем?

Миречек почувствовал, что сторож — человек добрый, и признался ему, что утром убежал из школы, где служил наглядным пособием, потому что известный хулиган Вредек запулил ему камнем по башке, а вечером убежал из цирка, потому что на него кричал дрессировщик с закрученными усами «Миречек, але-оп!», а теперь он даже не знает, куда идти, потому что дома его держать не хотят, грустно, не правда ли?

— Ну что же, — говорит ему на это добрый сторож. — Сдаётся мне, милый ревун, что есть только одно место, где ты можешь прижиться, где с тобой будут хорошо обращаться, приютят и накормят. Это место называется зоологический сад. Знаешь такое?

Миречек хлопнул себя по лбу и сказал:

— Точно! Как я раньше не додумался?!

Он вежливо поблагодарил сторожа за совет, встал и пошёл в зоосад, а добрый сторож смотрел ему вслед и думал: «Чёрт побери, этот ревун чем-то напоминает одного маленького негодника, который часто гуляет в нашем парке с тётей и дерётся ногами, или просто показалось».

В тот вечер Янка и вся её компания, как обычно, собрались в клетке покойного пана Броненосца и обсуждали, что сегодня поделать. Лучшую идею, разумеется, предложила Янка: зайти в медпункт и проведать ушибленного дедушку. Звери быстренько собрали букетик ромашек и пошли в медпункт. Но по дороге в одной из клеток вдруг заметили ревуна Миречка.

— О нет! Что он тут делает? — воскликнули они.

— Ну и гости, — сказала Янка Миречку. — Тебе что, стало скучно и ты пришёл к нам реветь?

— Вы даже не представляете, — ответил Миречек, — сколько всего мне пришлось пережить. Обезьянам в современном мире приходится несладко. Лучше всего пожить тут, у вас, если вы, конечно, меня теперь примете.

Звери переглянулись: Каролина посмотрела на Томаша, Эмиль — на Станду, а Марек Слон протрубил своим гнусавым голосом:

— Ну что, примем его на испытательный срок?

Все согласились и позвали Миречка с собой навестить дедушку. Дедушке было уже гораздо лучше, и он очень обрадовался детям и стал им рассказывать, как ему тяжело жилось в детстве на далёкой Суматре: в школу приходилось каждый день скакать по деревьям двести километров туда и двести обратно. Но что тут было делать, если бедняга дедушка хотел получить хоть какое-то образование, чтобы отличать, например, парнокопытных от непарнокопытных, с ними порой такая путаница. Миречка так растрогал его рассказ, что он зашмыгал носом, утёр слезу и подумал: «Такая прекрасная упорная обезьяна, а я её треснул камнем по голове, как какой-то Вредек». Он заплакал навзрыд и никак не мог остановиться. Но от его слёз сломанная молния, которую нужно было просто немножко смазать, расстегнулась, и ревун обратно превратился в мальчика Миречка. Но только с прошлым Миречком у него не было ничего общего. Во-первых, он больше не ревел, не вопил и не верещал, а всё больше улыбался, во-вторых, не катался по земле, а в-третьих, не бросался камнями и не дрался ногами. Теперь он дружил и с людьми, и со зверями: с мальчишками и девочками, с родителями и тётей Анежкой, а уж что и говорить о Янке, Томаше, Каролине, Марекке и Эмиле, словом о всей честной компании, где его приняли как родного.

Янка

Как

спасла
пана
Леопарда

Осенью погода паршивая, все кругом болеют гриппом. В зоологическом саду его, само собой, тоже не избежать. Вот и пани Грач, медсестра из зубного кабинета, слегла уже неделю как. К счастью, есть Янка Орангутанова — она всегда готова прийти на помощь, и у неё неплохо получается. Вот доктор Буравчик и решил: пусть Янка заменит пока пани Грач.

Сегодня на приём к зубному пришёл пан Бобр. Садится он в кресло, Янка повязывает ему на шею салфетку, а доктор говорит:

— Так-так, пан Бобр, знаете ли, всю жизнь грызть деревья — это вам не хухры-мухры. Неудивительно, что у вас зубы в таком состоянии. Придётся ставить протезы снизу и сверху.

— Вставную челюсть, что ли? — ворчит пан Бобр. — Ну, приехали, вот радость-то!

Но доктор только плечами пожимает и говорит:

— Янка, измерь-ка ему резцы, а я пойду посмотрю, что там снаружи за гвалт.

А снаружи и правда гвалт стоял ого-го, у ворот собралась куча зверей и людей: оказывается, привезли пана Леопарда, которого как раз не хватало в зоологическом саду. Ведь тут есть барсуки и очковые змеи, множество павианов и мартышек, но ни одного леопарда, стыд, да и только! Поэтому теперь все стояли и кричали:

— Ну наконец-то! Наконец-то у нас появился леопард! Такой серьёзный был недостаток. Что это вообще за зоологический сад без леопарда?

Директриса вся светилась от радости и встретила его, по традиции, хлебом и солью. Пан Леопард был несколько удивлён таким приёмом. «Ну привет, — подумал он, — если меня тут собираются этак каждый день кормить...» — но виду не подал и любезно улыбнулся.

— Очень милое млекопитающее, — сказал дедушка Орангутан за ужином, — у него квартира рядом с нами, будет хорошим соседом. Уж точно лучше, чем пани Енотиха-Полоскунья, которая тут жила раньше. Вечно она бранилась, пахло от неё неприятно, и не мылась годами, а ещё Полоскуньей зовётся. Удивительно, где эти создания откапывают себе такие имена. Но пан Леопард — это, скажу я вам, совсем другой коленкор. Мы с ним весь вечер проболтали, он знает столько анекдотов из Цейлона — давно я так не веселился. К тому же он такой добрый, представьте себе, он даже предложил мне, если я захочу, каждое утро вычёсывать блох. Ну я ему говорю: блохи, помилуйте, откуда тут взяться блохам? Кто-то должен ему о нашем зоологическом саде немножко рассказать и показать, что тут и как. Он, бедняга, не представляет, видимо, где очутился. Приехал из какой-то тмутаракани, где зоологических садов и в помине нет!

Вечером Янка собрала свою компанию и говорит:

— Так, уважаемые, на сегодня нам развлечение обеспечено. Мы покажем пану Леопарду весь зоосад. Пусть узнает, что тут и как.

Всем понравилась эта затея, только Томаш Панда вздохнул:

— Жаль, не могу с вами. Мне скоро домой, я наказан: потерял одно пятно на глазу. Ну, пока!

А все остальные отправились на обход зоосада. Пан Леопард только диву давался, чего только в этом зоологическом саду нет.

— Здесь касса, а там здание администрации, — показывала Янка. — Там кабинеты и медпункт, я сейчас там заменяю медсестру. Пойдёмте дальше. Тут живёт пан Муравьед Гигантский, он аж из Южной Америки, и у него нет зубов.

— Ужасно, — поразился пан Леопард, — совсем ни одного зуба, правда? Посмотрите зато, какие зубы у меня!

Но Янка на это только плечами пожала:

— Это, знаете ли, смотря как посмотреть: лучше без зубов, чем с испорченными, уж я-то знаю. Ну, пойдёмте дальше, тут тоже кое-что интересное: тюлени обыкновенные с Дальнего Севера, их шестеро у нас, три семейные пары, и у них вообще нет ног.

Пан Леопард был совсем ошарашен:

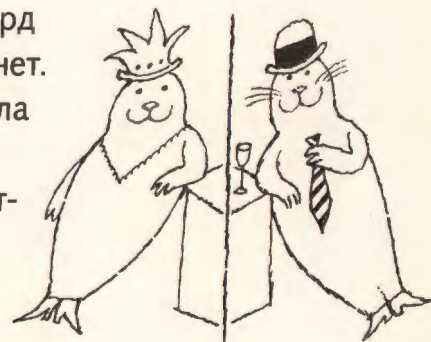
— О нет! У того не было зубов, у этих — ног. Ну и дела! Потрясающе! Но должен вам признаться, эти тюлени ужасно мне нравятся: такие жирненькие и мягонькие, ни одной косточки не видно, — восхищался пан Леопард, не в силах отвести от тюленей глаз. — А что это вон там? Чем это так пахнет?

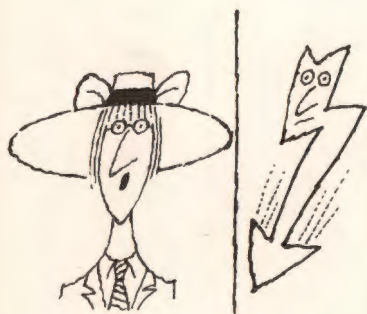
— Это кухня, пан Леопард, там нам готовят обеды и ужины, — ответил Станда Кенгуру.

Тут уж пана Леопарда чуть удар не хватил.

— Не может быть! Они вам даже готовят обеды и ужины! Вот это прогресс! Мне, знаете ли, всегда приходилось заботиться о себе самому, а здесь будут всё приносить на блюдечке? Давайте заглянем на эту кухню. Признаюсь, я ужасный обжора.

В это время мясник пан Грозный как раз вёз на кухню конину. Он был огромный, как скала, и пану Леопарду пришёлся совсем не по душе.

— Пойдёмте-ка лучше отсюда, — сказал пан Леопард. — Этот выглядит опасно.

Впрочем, ему уже и спать захотелось, впечатлений на сегодня было предостаточно, и вся компания проводила его домой. Перед тем как попрощаться, пан Леопард выловил что-то на своей шкуре и сказал:

— Вот пятно для вашего друга Томаша, о котором вы мне рассказывали. Я выбрал самое большое, надеюсь, это избавит его от неприятностей.

Янка пробралась домой тихо-тихо, чтобы никого не разбудить. Засыпая, она подумала: «Пан Леопард и правда очень добрый, кто бы мог подумать?» Совсем сквозь сон до неё доносились какие-то крики, будто кто-то звал на помощь, но потом наступила полная тишина, и Янка уснула.

Но представьте себе, наутро в зоологическом саду поднялся страшный переполох, повсюду крики, а кто-то даже стал стучать в стену, это оказалась пани Белая Медведица.

— Вы уже слышали? — спросила она. — Пан Леопард, ваш новый сосед, съел ночью пани Тюлениху Обыкновенную. Можете себе такое представить?

Все были в ужасе: папа, мама, дедушка, а больше всех Янка. Разумеется, в отношении пана Леопарда сразу провели дисциплинарное расследование. Директриса, уперев руки в боки, заявила:

— То, что вы сотворили, пан Леопард, просто непростительно, это безобразие первого порядка. Что теперь будет с паном Тюленем? Надо же такое выдумать: съесть чью-то жену! Скажут ещё, что у нас тут плохо кормят.

А пан Леопард лепетал, заикаясь, что, мол, он даже не знает, что на него нашло, и что скорее всего это мягонькое мясо без

костей так на него подействовало, и что он бы охотно сам себя отхлестал по щекам, уж поверьте, и так далее и тому подобное.

А директриса тем временем в уме подсчитывала: «Я потеряла одного тюленя, но у меня их ещё пять, а леопард всего один. Если я и его потеряю, то точно потерплю убыток». Так что в конце концов она сказала пану Леопарду:

— Идите. Но если ещё раз такое повторится, я вас отдам пану Грозному! А он, как мы знаем, мясник.

Потом директриса подозвала к себе Янку Орангутанову, эту умницу-разумницу, и говорит ей:

— Скажи мне, что ты думаешь. Разве можно вот так себя вести? Это же ужасно! Бедная пани Тюлениха Обыкновенная.

— У меня тоже в голове не укладывается, — пожалала плечами Янка. — Добрейшая душа этот пан Леопард, и вдруг такое. Наверное, всё оттого, что он такой обжора — сам нам вчера признался, надо ему как-нибудь с этим обжорством помочь.

В тот же вечер Янка с Мареком, Стандой и Каролиной зашли к пану Леопарду. И Томаш с Эмилем тоже за компанию. Янка стала разговаривать с беднягой леопардом по душам, и сказала ему так:

— Чёрт побери, пан Леопард, если у вас на ужин конский окорок, зачем же ещё закусывать пани Тюленихой Обыкновенной? Ежу понятно, что такое переизбыток вредно для здоровья. Вместо того чтобы обжираться, лучше книжку почитайте, у нас в библиотеке есть «Книга джунглей», например, — превосходное, захватывающее чтение. Нечего вам так позориться зазря, что вы на это скажете?

А пан Леопард залез от стыда под стол и обещал, что больше такого не повторится и что он завтра же заглянет в библиотеку. Все с ним ещё немного поболтали, а потом отправились спать, думая: «Ну, теперь неприятности позади».

Но ночью Янка опять услышала крики, а с утра в зоологическом саду снова поднялся переполох, ещё сильнее, чем накануне. Оказывается, пан Леопард съел вторую Тюлениху Обыкновенную. Все звери, понятное дело, решительно протестовали. Теперь уж пану Леопарду было несдобровать, хоть он и плакал, и сетовал, что не хотел, что это всё из-за вкуса их мягонького мяса без костей, он не мог с собой справиться, это сильнее его. Он на коленях умолял его простить, но директриса только рукой махнула:

— Какое там, уважаемый! Даже говорить с вами не хочется.

Она попросила позвать мясника и сказала ему:

— Пан Грозный, уведите его, он ваш!

Но тут случилось что-то невероятное: в дверях появилась Янка в белом фартуке и белой шапочке. Она прямо так выбежала из кабинета зубного, и говорит:

— Погодите, пани директриса, я могу вам лично поручиться, что пан Леопард с сегодняшнего дня не притронется ночью даже к ломтику колбасы. Вы можете спокойно отправить его обратно в клетку, под мою ответственность!

Директриса была настолько ошарашена, что послушно согласилась и велела отвести пана Леопарда домой. Она-то знала, что раз уж Янка что-то обещает, то этому можно верить. Вот только ей было любопытно, как Янка собирается действовать. Всё-таки поголовье тюленей заметно сократилось: их осталось всего четыре. Но Янка её успокоила:

— Наберитесь терпения, завтра вечером после работы вы всё узнаете.

А сама поспешила со всех ног к пану Леопарду. У него уже собралась вся компания, и Марек Слон вещал своим гнусавым голосом, что всё дело в силе воли:

— Вот пан Тарантул, не знаю, говорит ли вам о чём-нибудь это имя, пан Леопард, спокойно может не есть полтора года.

Он хотел привести и другие примеры, но Янка его перебила:

— Слушай, Марек, оставь его в покое, здесь уже никакие слова не помогут. Теперь у пана Леопарда осталось только два варианта: либо он пойдёт с нами и сделает, что мы предлагаем, либо он пойдёт к пану Грозному. С мясником ему дорога в вечные угодья, это ясно, но если он пойдёт с нами, то ещё может спастись. Ну что, пан Леопард, что изволите выбрать?

И этот бедолага, который весь задрожал, едва услышал имя пана Грозного, говорит:

— Янка, боже мой, ты ещё спрашиваешь!

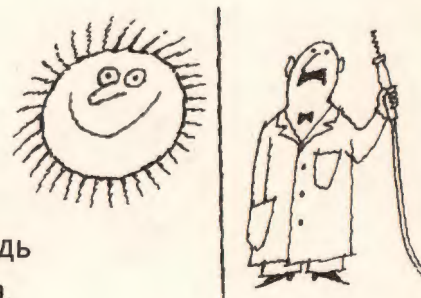
Янка скомандовала «пошли», и все удалились.

И представьте себе, наутро всё было в полном порядке: оставшаяся пани Тюлениха Обыкновенная жива и здорова, даже ещё живее и здоровее, чем вчера. Все вокруг удивляются, а больше всех директриса, она спрашивает:

— Янка, послушай, как тебе это удалось?

Но Янка всё только извинялась: в зубном кабинете, мол, сейчас полно работы, доктору Буравчику не хватает рук, пану Крокодилу нужно вырвать четвёрку слева вверх.

— Так что простите, пани директриса, не сердитесь, но встретимся вечером у клетки пана Леопарда, как договаривались. А пока до свидания!

Пришлось директрисе ждать, она места себе не находила: занималась в своём кабинете обычными делами, но совершенно не могла сосредоточиться. Пан Белка спрашивает её о чём-то, а она даже не понимает, о чём речь. И вот наконец-то пробило шесть, ворота зоологического сада закрылись, директриса встала из-за стола и поспешила к пану Леопарду.

Там уже собрались Марек, Станда и Каролина, а также Томаш с Эмилем и сама Янка.

— Так, ну что, пан Леопард? — строго сказала Янка. — Уже шесть часов и пять минут. Мы как договаривались?

А пан Леопард ей в ответ:

— Пардон, извините, я немножко зачитался. «Книга джунглей» и правда потрясающая. Держите, пожалуйста.

Он открыл пошире пасть и вытащил оттуда новую вставную челюсть, отдал её Янке, а сам прошепелявил:

— Главное, повалуйста, не забудьте мне утлом велнуть.

— Теперь-то я понимаю, почему ночью ничего не стряслось, — воскликнула директриса. — Как может что-то случиться, если по ночам пан Леопард без зубов? Янка, золотце, ты в этом зоологическом саду точно самая умная. Когда я выйду на пенсию, ты станешь директрисой!

Янка

Как

придумала
маскировку

Однажды осенью, кажется, во вторник около двух часов дня кто-то постучал в дверь директорского кабинета. Директриса сказала: «Войдите», вошёл какой-то хмурый мужчина в очках и с порога говорит:

— Что у вас тут за порядки такие? Я купил билет и хотел увидеть хамелеона. Мне показали, где его клетка, но она оказалась пуста!

Директриса в замешательстве.

— Извините, уважаемый, — говорит она. — Но этого не может быть, мы завезли хамелеона совсем недавно, он должен быть в клетке. Куда ему деться? Не украли же его! Наверное, вы плохо смотрели.

Мужчина даже голос повысил:

— Милочка, у меня тринадцать диоптрий в очках! Такое не часто встретишь, я вижу лучше, чем большая синица! И если я вам говорю, что хамелеона в клетке нет, значит, его там нет!

Тогда директриса вызвала пана Белку, чтобы он немедленно проверил клетку хамелеона. Хмурый мужчина с тринадцатью диоптриями в очках пошёл вместе с паном Белкой, и пан Белка его дорогой успокаивал:

— Главное, не сердитесь. Вы заплатили за билет, чтобы увидеть хамелеона, и вы его увидите, не будь я пан Белка.

Но когда они подошли к клетке, там никого не было. Неужели очкарик прав, и хамелеон исчез? Но пан Белка только засмеялся.

— Ну конечно, уважаемый, хамелеон в клетке есть, его просто сейчас не видно. Это его защитный окрас, понимаете? У хамелеона есть такая способность: он может становиться то зелёным, то жёлтым, то сливаться с белой занавеской, а то с синим ковром. Он просто так играет, он ещё молодой, знаете ли, любит пошутить, — объяснил пан Белка и позвал хамелеона: — Ну давай, хватит дурачиться, покажись, посетитель хочет тебя увидеть!

Хамелеон и правда показался.

— Вот и он, пожалуйста. Что я вам говорил? Похоже на горстку соломы, а на самом деле хамелеон, — сказал пан Белка, а Иржик Хамелеон (так его звали) задорно рассмеялся.

Но мужчине в очках было вовсе не до смеха, он нахмурился ещё сильнее и говорит:

— Ну и шуточки! Я буду жаловаться, в этом не сомневайтесь!

Поэтому, когда пан Белка позже встретил Янку, он попросил её:

— Послушай, ты же такая умница, попробуй поговорить с этим хамелеоном: у нас от него лишние неприятности, люди жалуются, короче говоря, это не дело.

Так что вечером Янка со всей компанией отправилась к Иржику Хамелеону, и все стали его песочить, чтобы он оставил свои штучки.

— Представь, каково людям: за свои честно заработанные деньги они покупают билет и ничего не видят! — принялся увещевать Эмиль Пингвин.

Каролина Мышь подхватила проповедь:

— Мог бы уже и поумнеть, эти забавы для малышей. Неужели тебе нравится выглядеть как горшок с цветами или как ночной столик? Очень глупое развлечение!

— Ну ладно, ладно, — согласился Иржик Хамелеон. В конце концов он дал всей компании честное слово, что больше такого не повторится.

Всё это, значит, происходило во вторник, но в среду случилось кое-что похуже, настоящая трагедия. Пани Медведица собиралась печь детям пирог и попросила пана Белку достать ей три яйца, тот сказал «Ну разумеется» и отправился в вольер к пани Гриф. Но по дороге обратно он наткнулся на директрису: она разговаривала с каким-то странным человеком, который стоял по стойке смирно и не шевелился.

— Пан Белка, — сказала директриса. — Пан Белка, подойдите сюда на секундочку. Это пан Прапор, ваш заместитель, вы-то завтра отправляетесь на пенсию.

Пан Белка побледнел как полотно, он так перепугался, что чуть не разбил все три яйца для пани Медведицы. «Значит, я завтра ухожу на пенсию, — подумал бедняга. — Боже мой, как быстро пролетели годы! Завтра я уже не увижу своих зверей, какой удар!» Но, дорогой читатель, это был удар не только для пана Белки, это был ужасный удар для всего зоологического сада.

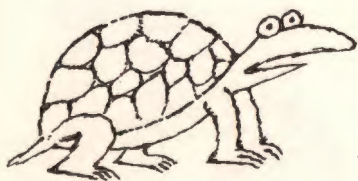
— Такого хорошего зрителя у нас никогда не будет, — вздыхал пан Муравьед.

— Такого хорошего зрителя нам остаётся только вспоминать, — грустно кивала пани Жирафа.

А пани Медведица утёрла платочком глаза и говорит:

— Святая правда.

Дело в том, что пан Прапор был человеком совсем другого сорта, он ни капли не был похож на пана Белку, он требовал, чтобы звери вели себя прямо-таки образцово, чтобы говорили, только когда их спрашивают, чтобы вставали по стойке смирно на переключку, когда пан Прапор проходит мимо их клетки.

— Горилла Йозеф, Горилла Власта, Горилла Власта — младшая, вольно! — проводил переключку пан Прапор и шёл дальше: левая-правая, левая-правая.

— Почему у вас крылья расправлены? — спрашивал он у пана Цапли около бассейна. — Немедленно сложить!

Пан Цапля складывал крылья, щёлкал каблуками, а сам думал: «Хорошенькая жизнь нас, похоже, ждёт».

Так оно и было. Пан Прапор сидел в своём кабинете и строчил на пишущей машинке одно распоряжение за другим: слоны должны в рабочее время поднимать хоботы вверх, чтобы сразу было видно, что они у них есть; фламинго нельзя стоять на одной ноге, чтобы посетители не подумали, что у них нет второй; кенгуру должны скакать туда-сюда длинными скачками, чтобы всем было понятно, что это кенгуру, а не кашалоты, ну и так далее, и так далее. Звери были просто ошарашены новыми порядками.

— Я живу здесь уже сто пятьдесят лет, — качала головой пани Черепаха. — Но такого на моей памяти ещё не было.

Пан Прапор случайно услышал её слова, и пошёл жаловаться директрисе, что, мол, пани Черепаха подрывает дисциплину, — а он уже давно за ней наблюдает. Постоянно прячет голову и лапы, понимаешь ли, так что посетители видят только панцирь, а панцирь — это, извините, не черепаха, панцирь — это всего лишь панцирь, и его надо немедленно изъять, чтобы черепахе неповадно было прятаться от посетителей. Последние слова

пан Прапор прокричал уже весь красный, а директриса только плечами пожала и говорит со вздохом:

— Делайте, как считаете нужным.

В конце концов у пани Черепахи и правда отняли панцирь, что было довольно неприятно: ей, понятное дело, было холодно, особенно по ночам, она с непривычки вся дрожала, плакала и двигалась медленно-медленно, как черепаха, — печальное зрелище.

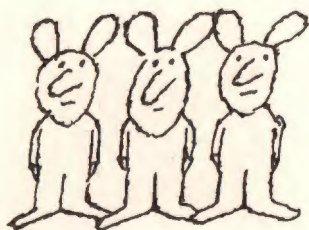
В один прекрасный день Янка возьми да и скажи своей компании:

— Признаюсь, друзья, с меня довольно. Если пан Белка немедленно не вернётся, нам крышка. То, что случилось с пани Черепашкой, может произойти с каждым из нас. Короче говоря, я не собираюсь больше медлить ни минуты. Если вы со мной, то вперёд!

И вся компания отправилась жаловаться к директрисе. Они сказали, что так дальше продолжаться не может, что уже весь зоологический сад перевернут с ног на голову. Где, мол, то золотое времечко, когда о зверях заботился добрый пан Белка и всюду царили мир и покой? Пана Прапора никто не любит, и все только ждут, чтобы что-то случилось и он наконец исчез. Но представьте себе, все эти речи не возымели никакого действия — как об стенку горох.

— Не сердитесь, — сказала директриса. — Но пана Прапора совершенно не в чем упрекнуть. Пусть в зоологическом саду царят не мир и покой, зато дисциплина и порядок, посетители очень довольны, и постоянно пишут восторженные отзывы в книгу жалоб и предложений. Людям нравится, как слоны поднимают вверх хоботы, они благодарны за то, что наконец-то могут увидеть черепаху без этого несносного панциря, нравятся им и другие новшества. Так что, — заключила директриса, —

об отставке папа Прапора и возвращении пана Белки не может быть и речи.

Итак, вся компания удалилась несолоно хлебавши. Но представьте себе, Янка нисколько не унывала, а, наоборот, улыбалась и даже тихонько посмеивалась. В конце концов Станда вышел из себя и говорит:

— Что ты дуришь? Совсем с приветом, что ли? Директриса нас прогнала, а ты радуешься, как будто выиграла в лотерею.

— А почему бы мне и не радоваться? — ответила на это Янка. — Я-то знаю, что пан Прапор завтра вылетит отсюда как пробка. Хочет директриса того или нет, а пана Прапора завтра же уволят — тра-ля-ля, тра-ля-ля!

— Точно с ума сошла! — пробормотал Томаш Панда. — Будь добра, объясни нам, как ты собираешься это обтяпать, чудачка ты эдакая?

А Янка в ответ:

— Погодите, и сами увидите!

В тот же вечер Янка отправилась к Иржику Хамелеону и долго о чём-то с этим шутником судачила. А ровно в полночь созвала всех обитателей зоологического сада к его клетке и заявила:

— Итак, уважаемые, пусть поднимут переднюю ногу те, кто любит пана Прапора и хочет, чтобы он остался.

Не то что ни одна нога, но даже ни один волосок ни у кого на шкурке не шелохнулся. Этого, впрочем, можно было ожидать.

— Правильно, отлично, так держать, — довольно улыбнулась Янка. — А теперь, друзья, пусть поднимут ногу те, кто хочет, чтобы к нам вернулся наш добрый пан Белка.

Видели бы вы, что тут началось! Звери подняли всё, что можно: передние ноги, задние, хоботы, клювы и даже уши.

Со всех сторон понеслись охи и ахи: «Ах, наш золотой пан Белка». Тогда Янка и говорит:

— Ну, дорогуши, если вы правда хотите, чтобы наш пан Белка вернулся, послушайте внимательно, что вам скажет Иржик Хамелеон.

Иржик хитро улыбнулся, подмигнул своим выпуклым глазом, а потом объяснил, что такое защитный окрас и как стать жёлтым или синим, как замаскироваться под дерево, решётку или бетонный пол. А звери приговаривали: «Ага, значит, вот так» и делали пометки в блокнотах, чтобы ничего потом не перепутать. При этом они весело переглядывались, лукаво улыбались и говорили друг другу:

— Похоже, нас завтра ждёт настоящее веселье.

И правда, наутро, когда пан Прапор пришёл на работу, его чуть удар не хватил: в зоосаде ни души. Сколько он ни оглядывался по сторонам, все клетки пусты, никого не видно: ни пани Медведицы, ни пана Слона, в пруду никого, в загонах никого, в павильонах, клетках и вольерах тоже.

— Кто-то украл всех наших зверей! — закричал пан Прапор и бросился со всех ног к директрисе. Он даже не постучался и не встал по стойке смирно, он рвал на себе волосы, таращил глаза и едва переводил дух: — Директриса... ужас... звери исчезли... не осталось... ни одного... что мы будем делать?

Директриса встала из-за стола.

— Что вы такое несёте, пан Прапор? Как вы себе это представляете? Кто мог стащить слонов, бегемотов или носорогов? Это вам не рогаики или там конфеты, которые можно унести в сумке, их разве что на поезде можно увезти, а железной дороги у нас тут нету. Что вы выдумываете? — сказала директриса пану Прапору.

Но когда она увидела своими глазами, что зоологический сад и правда будто выметен подчистую, то сама хлопнулась в обморок прямо на дорожке, а пан Прапор бросился за доктором Буравчиком, чтобы привести её в чувство. Когда директриса наконец пришла в себя, то сразу побежала к телефону звонить начальнику всех директоров зоологических садов, рассказать, что случилось. Начальник всех директоров зоологических садов не заставил себя долго ждать: он явился со своей свитой на большом чёрном автомобиле. Они ходили от клетки к клетке со списками в руках и подсчитывали, кого не хватает. Наконец официально установили, что исчезли абсолютно все звери, кроме одного маленького хамелеона, который, как мы знаем, не мог исчезнуть, ведь он дал честное слово, что больше так не будет.

Потом началось великое расследование этой невероятной кражи. Расследование велось в кабинете директрисы, там толпились люди и дым стоял коромыслом — не каждый выдержит. Они заседали уже часа три кряду, и конца этому не было видно. И вдруг — не может быть — прямо посреди кабинета появилась обезьянка Янка, подняла палец вверх и говорит: «Во всём виноват пан Прапор». А потом взяла и исчезла.

Начальник всех директоров зоологических садов принялся ловить ртом воздух и спрашивать:

— Что это значит? Как тут оказалась эта обезьяна?

А Янка опять появляется и повторяет:

— Говорю вам: во всём виноват пан Прапор.

И снова исчезает. И тут все услышали через распахнутые окна, как из клеток, загонов и вольеров стали раздаваться крики: «Верните пана Белку! Мы хотим пана Белку!» Все присутствующие диву дались: как такой шум могут поднять те, кто исчез?

И тут в третий раз появилась Янка.

— Мы никуда не исчезли, уважаемые господа, — сказала она, — это ошибка, просто нас никто не видит, и не увидит, пока к нам не вернётся пан Белка.

В конце концов начальник всех директоров зоологических садов заявил:

— Полагаю, что для этого культурно-воспитательного заведения под названием «зоологический сад» будет куда полезнее, если в нём не видно будет пана Прапора, зато будет видно грызунов, сумчатых и позвоночных.

Тогда пан Прапор щёлкнул каблуками, вытянулся по стойке смирно и отдал честь на прощание. А в зоологический сад вернулся пан Белка, и его встретили полные клетки животных, которые радостно махали и кричали. Всё вернулось на круги своя. Пан Шимпанзе, который мастерил детям воздушного змея, попросил пана Белку принести ему пару иголок от пана Дикобраза. Пан Белка пошёл за иголками, размышляя по дороге: «И правильно: осень же, самое время пускать воздушных змеев». А на обратном пути наткнулся на директрису, которая разговаривала с Янкой.

— Золотце моё, — говорила директриса Янке. — Я так счастлива, что мы распрощались с этим паном Прапором. Представь себе, я всю осень пыталась достать двух золотых фазанов. Вчера они, наконец, поступили к нам, и пан Прапор тут же велел их постричь наголо!

— Конечно, — кивнула Янка. — Он ещё кричал на них, что, если они не будут держать клюв ровно, им никогда не стать ефрейторами и младшими сержантами!

Янка попрощалась и поскакала прочь, напевая «Тра-ля-ля, тра-ля-ля». И с того дня в зоосаде снова зажило как в раю.

Янка

Как

Лето было в самом разгаре, середина июля, в воздухе ни ветерка. Жара стояла несусветная, и животные в зоологическом саду изнывали от зноя. Пан Белка с самого утра поливал из шланга газоны, которые сильно пожелтели. И тут появилась Янка со всей компанией. Томаш, Станда и Эмиль наперебой закричали:

— И меня, пан Белка, и меня!

Пан Белка полил Янку, Каролину, но не успел перейти к Мареку, как вдруг раздался незнакомый мужской голос:

— Пожалуйста, и меня!

Голос принадлежал какому-то толстому загорелому господину, который стоял на дорожке: пот с него тёк рекой, он обмахивался каким-то странным розовым веером и продолжал:

— Не хочу вам мешать, но я бы многое отдал за хорошенький полив, жара прямо невыносимая, правда?

И пан Белка, этот старый добряк, не заставил себя просить дважды: он повернул шланг — и окатил незнакомца с головы до ног, так что хоть штаны выжимай. Господин остался страшно доволен и долго благодарил пана Белку. Так они и познакомились.

Оказывается, загорелого мужчину звали Франтишек Корж, он недавно вышел на пенсию. Ещё в прошлом году он продавал билеты в городской купальне.

помогла
пану
Моржу
поехать
на Север

— Это был ужас, пан Белка, — рассказывал пан Корж, когда они вместе уселись на лавочку в тени. — Тихий ужас. Вы только представьте: все купаются, а я должен сидеть весь день у входа на самом солнцепёке и продавать билеты: два с кабинкой, один без кабинки, четыре с раздевалкой и так далее. К тому же людям приходилось очень громко со мной разговаривать, потому что у меня с рождения крохотные уши, и я почти ничего не слышал. Зато теперь я обзавёлся новыми — они побольше и накладные. Полюбуйтесь, пан Белка.

И пан Корж спокойно снял одно ухо и принялся обмахиваться им наподобие розового веера.

— Я очень тяжело переносу жару, понимаете? — продолжал пан Корж. — Я бы всё отдал за то, чтобы день-деньской отмокать в бассейне, как этот морж. Вот жизнь, правда?

Но на самом деле пану Моржу, хоть он и лежал весь день в бассейне, мало кто мог позавидовать: вчера он получил письмо от своей невесты Берты с Крайнего Севера, где кругом только лёд да снег.

«Милый Роберт, я больше не могу тебя ждать, — писала невеста. — Я встретила тут одного пожилого обеспеченного моржа с серьёзными намерениями: он хочет на мне жениться и завести деток».

Прочитав это письмо, пан Морж тяжело вздохнул, вылез из бассейна и отправился к директрисе просить внеочередной отпуск, чтоб хотя бы попрощаться навсегда со своей любимой Бертой, раз уж он не может с ней жить.

— Я совершил серьёзную ошибку, пани директриса, что нашёл работу так далеко от дома, — грустно сказал пан Морж и вздохнул. — Такие ошибки могут стать роковыми, и вот

пожалуйста, от меня уходит та, ради которой билось моё большое моржовое сердце, ну и поделом мне.

И пан Морж попросил директрису найти ему в расписании подходящий поезд. Но директриса была совсем не намерена его отпускать, и только руками замахала:

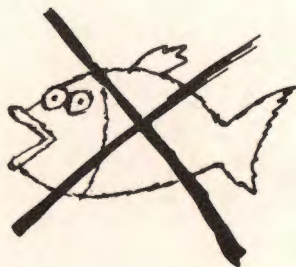
— Какой ещё поезд, пан Морж?! Мне очень жаль, но ни о каком отпуске не может быть речи. А вдруг с вами что-то случится в дороге? Сейчас то и дело какие-то аварии, а вы редкий экземпляр, единственный в нашем распоряжении! Ваша просьба отклонена!

Пан Морж поплёлся из кабинета директрисы, как с похорон. Он думал было утопиться — но такое у моржей обычно не выходит. Настроение у него было хуже некуда, усы совсем обвисли и придавали ему ещё более печальный вид. Янка смотрела на него с жалостью и думала: «Бедный, бедный пан Морж, некрасиво со стороны директрисы так с ним поступить. Надо что-то для него сделать, как-то ему помочь... Но как, вот вопрос». Янка почесала за ухом, поразмыслила, а когда последний посетитель вышел из зоосада, она сказала своим друзьям:

— Так, слушайте, у меня есть идея, как помочь пану Моржу съездить на Крайний Север к своей невесте. Это будет несложно, надо только договориться с одним человеком, с тем, который с нами сегодня брызгался.

Недолго думая, они все перелезли через ограду зоосада и отправились к пану Франтишеку Коржу. Тот как раз принимал ванну: с блаженным видом погрузился целиком в воду, только голова с большими ушами торчит да плечи в мокрой пижаме. Он с интересом выслушал Янкин план и сказал:

— Ага, значит, если я правильно понимаю, вы предлагаете мне поработать несколько дней в вашем зоологическом саду моржом, а настоящий морж тем временем съездит куда-то на Север, так? В принципе, я не против: пан Корж или пан Морж — не такая уж большая разница, правда? И отмокать в ванне или в бассейне — тоже не такая уж большая разница, правда? Я даже могу снять свои накладные уши, чтобы выглядеть как настоящий морж, но вот только, уважаемые, где я возьму усы?

— Их вам одолжит пан Морж, — ответила Янка. — Это дело нехитрое.

А Каролина подмигнула ему: в том-то вся соль. Тогда пан Корж кивнул:

— Ах так, ну что ж, сойдёт, но есть ещё одна серьёзная загвоздка — питание! У всех свои вкусы: кто-то терпеть не может суп из требухи, а я вот — рыбу. Моржей-то кормят рыбой, правда? А это, уж извините, я пас.

Но Станда Кенгуру махнул рукой:

— О, об этом не беспокойтесь, пан Корж, я всегда найду, что стащить для вас на кухне, и буду приносить это прямо в бассейн. У меня же есть специальный карман, смотрите! Главное, скажите, что вы любите.

На это пан Корж сказал:

— Ну раз так, я согласен!

И вот уже через полчаса в бассейне сидел не пан Роберт Морж, а пан Франтишек Корж. Франтишек Корж с моржовыми усами блаженно отмокал, а пана Моржа тем временем старый добряк пан Белка вёз в такси на вокзал, чтобы посадить на поезд «Северная стрела». Для пана Белки это была пара

пустяков — ведь у него же были ключи от ворот. Для пана Моржа и пана Коржа наступили счастливые времена: пока первый выходил на вокзале на Северном полюсе и растроганно оглядывал места своей молодости, второй тем временем лежал в приятной прохладной воде бассейна, и палящее солнце было ему нипочём, а Станда таскал из кухни всякие лакомства. Словом, всё шло как по маслу, пока не начались неприятности.

Как раз в тот день учительница привела третий «Б» вместе с Махом и Шебестовой* в зоопарк. И вдруг Мах говорит:

— Шебестова, дружище, этот морж в бассейне мне кого-то напоминает, он очень похож на того загорелого дядьку, который в прошлом году продавал билеты в городской купальне, ну того, помнишь, с накладными ушами?

У Янки от этих слов ёкнуло сердце, ёкнуло оно и у пана Белки, короче говоря, у всех ёкнуло. Но к счастью, Шебестова покачала головой и сказала:

— Ну, не знаю, Мах, как тебе такое в голову взбрело? Спутать чистокровного моржа с каким-то билетёром! Сразу понятно, что ты плохо видишь.

— Пожалуйста, никуда не разбегайтесь. Идём дальше, — сказала учительница, и класс пошёл дальше.

А Янка со всей компанией, а также пан Корж с паном Белкой вздохнули с таким облегчением, что поднялся лёгкий ветерок.

Но тут из здания администрации вышли директриса с ветеринаром, доктором Братишкой. И доктор говорит:

— Я уже второй день наблюдаю за этим нашим моржом, пани директриса, и как-то он мне не нравится: что-то он рыбу не ест, даже не притрагивается. Это дурной знак: если морж не ест рыбу, значит, ему плохо, уж поверьте моему опыту. Надо

* Мах и Шебестова — герои книги Милоша Мацурека «Мах и Шебестова — волшебники из З «Б»». М.: Мелик-Пашаев, 2017.

его как следует осмотреть, чтобы не пропустить какую-нибудь хворь, я уже вызвал подъёмный кран.

Директриса, само собой, согласилась.

— Правильно-правильно, пан доктор, — сказала она. — Если вам кажется, что наш морж захворал, нужно вытащить его из воды и как следует осмотреть и простукать. Я рада, что вы так ответственно к этому подходите.

И оба они направились к бассейну. Янка увидела, как к бассейну с одной стороны подъезжает подъёмный кран, а с другой — подходят ветеринар с директрисой, и зажмурилась от ужаса, пан Белка побледнел, а вся компания в отчаянии заломила руки и зашептала: «Что теперь? Как нам выкрутиться?» Но положение было уже не спасти, крюк подъёмного крана опустился, трос натянулся, мотор зарокотал, и из воды вместо моржа поднялся незнакомец в пижаме, с которой ручьями текла вода. Все присутствующие ахнули: «Вот так сюрприз!» Директрису, само собой, сразу же унесли на носилках, а доктора Братишку унесли просто за руки за ноги, поскольку вторых носилок в зоосаде не было. Тут Шебестова говорит Маху:

— Смотри, Мах, это действительно тот дядька из купальни, а ты, оказывается, наблюдательный, с этим не поспоришь.

— Ребята, уходим! — решительно заявила учительница. — Раз в этом зоологическом саду такие порядки, что какой-то продавец билетов выдаёт себя за чистокровного моржа, значит, нам здесь делать нечего!

А потом в кабинете директора начался такой скандал, что стены задрожали. Пану Франтишкеу Коржу ещё легко — он снял себе спокойно уши и ничего не слышит. Зато пану

Белке пришлось выслушивать такое, что его бросало то в жар, то в холод.

— Наш единственный экземпляр чистокровного моржа пропал! — кричала директриса, бегая из угла в угол. — Без вашего участия, пан Белка, животное бы отсюда не выбралось. Только у вас есть ключи от ворот, сразу понятно, кто во всём виноват! Молчите и ничего мне не говорите!

Но тут в кабинет зашла вся компания во главе с Янкой Орангутановой.

— Простите, это была моя идея, пани директриса, — сказала Янка. — Мы хотели отправить бедного пана Моржа на Крайний Север, чтобы он мог попрощаться со своей дорогой невестой Бертой.

Но представьте себе, не успела Янка договорить, как в дверях кабинета появилась кассирша, вид у неё был очень весёлый.

— Не поверите, морж вернулся! — сказала она.

Все бросились к бассейну посмотреть, правда ли это. Так и есть, чистая правда: пан Морж вернулся, и Берта с ним! И вот они вместе купаются в бассейне и выглядят очень счастливыми, как все влюблённые. Директриса от радости чуть в пляс не пустилась и спрашивает:

— Как это вообще возможно? Ведь невеста собиралась выйти замуж за пожилого обеспеченного моржа, разве нет?

Но Берта объяснила, что, когда она увидела своего Роберта, да ещё без усов, он выглядел так молодо и привлекательно, что она дала пожилому жениху от ворот поворот, короче говоря, Берта предпочла Роберта.

— Значит, у нас теперь два моржа, — радостно воскликнула директриса. — А со временем и детки появятся! Глядишь, они

тоже будут безусыми, почему бы и нет? Если потомство пойдёт в папу, мы выведем совершенно новый вид, самый редкий в мире.

Директриса ликовала, она подхватила Янку на руки и закружилась с ней вокруг бассейна, приговаривая:

— Янка, золотце, наш зоологический сад благодаря тебе войдёт в историю!

СОДЕРЖАНИЕ

Как Янка устроила бал-маскарад	5
Как Янка отучила зверей лениться	21
Как Янка устроила цирковое представление	31
Как Янка перевоспитала мальчика	51
Как Янка спасла пана Леопарда	61
Как Янка придумала маскировку	81
Как Янка помогла пану Моржу поехать на Север	91

Литературно-художественное издание
Для дошкольного возраста

Miloš Macourek
Adolf Born
Žofka

Милош Мацоурек
Обезьянка Янка

Иллюстрации Адольфа Борна
Перевод с чешского Ксении Тименчик

Мацоурек М.

М36 Обезьянка Янка: рассказы / Милош Мацоурек, илл. Адольфа Борна ; пер. с чеш.
К. Тименчик. — М. : Издательство «Мелик-Пашаев», 2021. — 108 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-00041-397-5

Обезьянка Янка Орангутанова — самая смыслёная обитательница зоологического сада. Вдобавок к уму и смекалке у неё обострённое чувство справедливости, поэтому каждый раз, когда у её друзей случаются неприятности, она со всей готовностью бросается на помощь и находит блестящее решение для любой проблемы.

УДК 821.112.2
ББК 84.4Чеш

Редактор Дарья Соколова
Вёрстка Ольги Боловинцевой
Корректор Ольга Левина

Подписано в печать 22.10.2020. Формат 70 × 100/12. Тираж 3000 экз. Заказ № 2012360.

Издательство «Мелик-Пашаев»
www.melik-pashaev.ru

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Маленькая, бойкая обезьянка
Янка Орангутанова — самая умная
обитательница зоологического сада.
Это признаёт даже пани директриса.
Какие бы неприятности здесь
ни случались, Янка со своими
друзьями вовремя приходит
на помощь и спасает положение.

ISBN 978-5-00041-397-5

9 785000 413975